

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

154

РАННИЕ КОЧЕВНИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1978

САРМАТСКИЙ КУРГАН НА УСТЮРТЕ

В 1975 г. археологическим отрядом Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала АН УзССР был обнаружен на плато Устюрт курганный могильник, получивший наименование «Каскажол». Могильник расположен на Восточном чинке Устюрта, у спуска Каскажол, на мысе, обращенном к равнине Приаральской дельты Амударьи, в 45 км к северо-западу от районного центра Каракалпакской АССР пос. Шуманай.

В составе могильника учтено девять курганных насыпей. В 1975 г. были раскопаны три из них. В одном из раскопанных курганов (4) обнаружен интересный комплекс находок, публикации которого посвящена настоящая статья.

Насыпь кургана сильно оплывшая, высота ее не более 0,4 м, диаметр около 15 м. В северной ее части до раскопок на поверхности было видно много крупных обломков камня. В центре насыпь просевшая, с явными признаками перекопанности. В основании насыпи на древнем горизонте из обломков каменных плит выложено двойное каменное кольцо: внешнее — диаметром около 14 м и шириной 1,5 м, внутреннее — диаметром около 4,5 м и шириной около 0,7—0,8 м (рис. 1).

Под внутренним кольцом находилась могильная яма с подбоем, размещавшимся внутри малого кольца. Входная яма овальной формы в плане, длинной осью вытянута по линии юг—юго-восток—север—северо-запад. Ее размеры по осям 2,70×1,25 м, глубина около 1,6 м. В западной длинной стороне входной ямы находился подбой. На всю глубину входная яма была завалена крупными обломками известняка. Устье подбоя было закрыто вертикально установленными в один-два ряда очень большими каменными плитами.

Подбой в плане овальной формы, имеет размеры по осям 2,8×1,5 м, высота его около 0,5 м. Дно подбоя глубже, чем дно входной ямы. От входной ямы дно подбоя отделено ступенью высотой около 0,3 м. Свод подбоя пробит примерно по центру внутреннего кольца. На дне подбоя вдоль его западной стенки находились останки человеческого скелета, сильно поврежденного. Судя по положению сохранившихся костей, костяк был вытянут на спине, черепом на юг—юго-восток. В осыпи, образовавшейся под пробитым сводом, были обнаружены фрагменты лепных и станковых сосудов, разбитое бронзовое зеркало. Вдоль западной стенки подбоя лежали обломки железного меча, отдельные его обломки встречены и в центре подбоя. У ног костяка лежали девять бронзовых наконечников стрел. В области таза и у входа в подбой найдено несколько крупных бусин. В центре подбоя лежали керамическое пряслице и обломки станкового сосуда (рис. 1).

Перекоп в центре внутреннего кольца, частично уничтоженные оба кольца, пробитый свод, разбитые сосуды в подбое и явная смещенность большинства вещей комплекса свидетельствуют о частичном ограблении кургана. Однако полученные материалы вполне достаточны для того, чтобы охарактеризовать погребальный обряд.

Погребальный обряд, следуя за В. А. Назаренко, я рассматриваю как комплекс, сочетающий в себе три основные категории признаков: 1) конструкция погребального сооружения, 2) состояние и положение останков погребенного, 3) характер и размещение погребального инвентаря¹.

1. *Конструкция погребального сооружения.* Земляная насыпь, подкурганные сооружения над погребением в виде каменных колец, широкая, меридионально ориентированная входная овальная яма, через ступень выходящая в сводчатый подбой в западной продольной стенке,

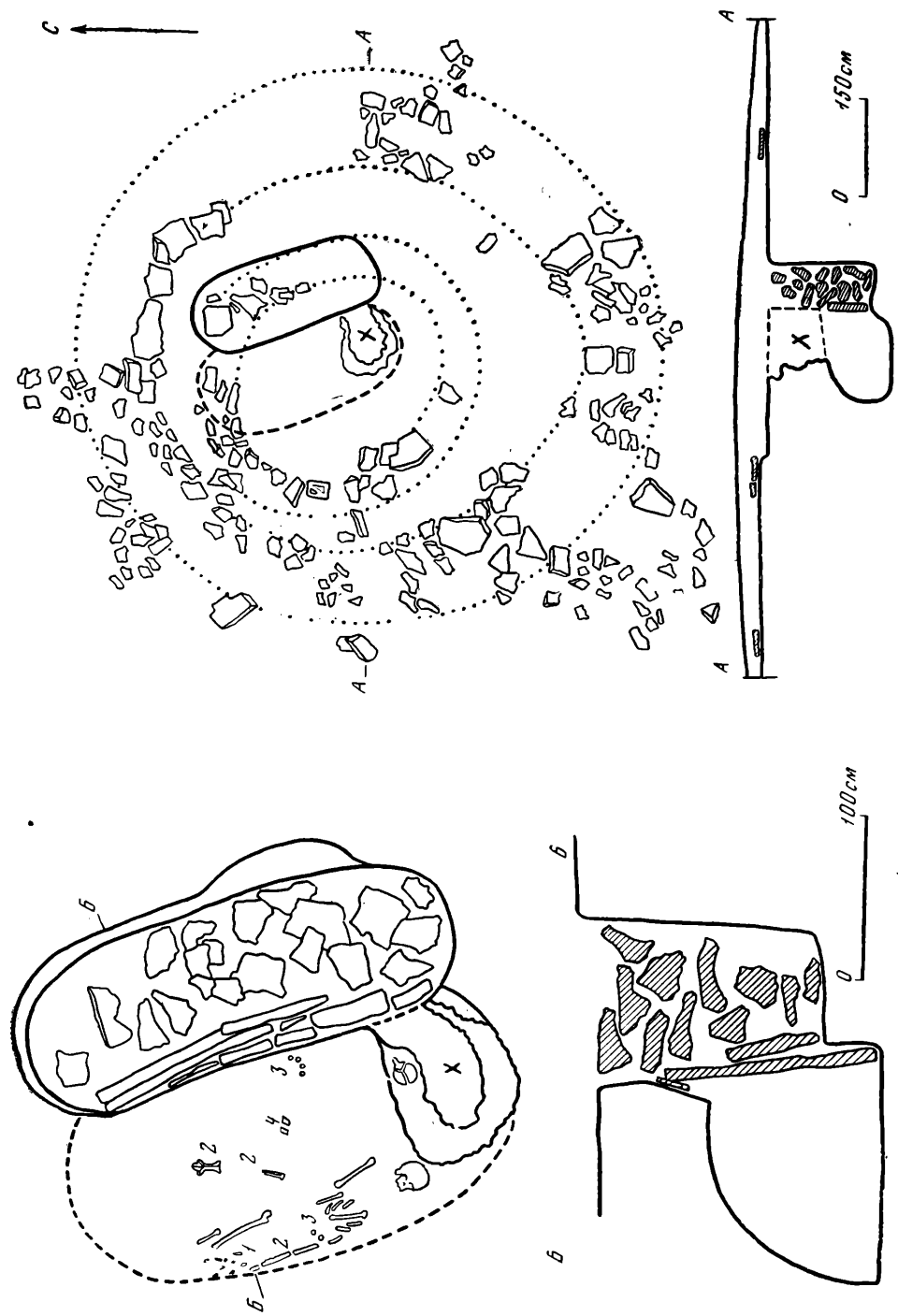

Рис. 1. Курганный могильник Каскажол. Курган 4. План и разрез

1 — наконечники стрел; 2 — обломки меча; 3 — бусы; 4 — фрагменты керамики; 5 — зеркала (крестиком обозначен грабительский ход)

закладка ямы и закрытие устья подбоя — все эти признаки одинаковы у анализируемого и раннесарматских курганов. Каменные кольца и широкая (ширина более 1 м) входная яма характерны лишь для IV и IV—III вв. до н. э.² Подбойные могилы появляются на раннепрохоровской стадии (IV в. до н. э.) и наибольшее распространение получают в III—II вв. до н. э. Для них характерен более низкий уровень дна подбоя по сравнению с дном входной ямы, разделенных обычно ступенью³.

2. *Положение останков погребенного.* Расположение костяка на спине, в вытянутой позе, черепом на юг — характерная и специфическая схема для прохоровских погребений. Одиночное захоронение в подбое — также признак, характерный для прохоровской культуры⁴.

3. *Характер и размещение погребального инвентаря.* Поскольку погребение частично ограблено, данные о составе и особенно о расположении инвентаря страдают определенной дефектностью. Если состав инвентаря, очевидно, близок к первоначальному, то его расположение явно не отражает ни состояния, ни расположения вещей *in situ*. Меч и зеркало найдены разломанными на куски. Хотя в сарматской культуре известны случаи положения в могилу преднамеренно разбитых вещей и зеркал, однако условия находки не позволяют с уверенностью говорить о том, что они были повреждены преднамеренно во время акта погребения. Однако и исключить подобную возможность мы не можем.

Обратимся к анализу инвентаря.

Фрагмент лепного сосуда. Принадлежал сосуду, форма которого не реконструируется. Изготовлен из грубого шамотного теста, обжиг костровый, черепок в изломе черный, крошащийся.

Фрагмент станкового сосуда. Принадлежал сосуду, форма которого не реконструируется. Изготовлен из тонкоотмученной и хорошо перемешанной формовочной массы с незначительными мелкоизмолотыми примесями отощителя.

Зеркало (рис. 2, 2). Принадлежит к типу плоских бронзовых зеркал с боковой ручкой. Диск зеркала круглый, ручка узкая, плоская, прямоугольная в сечении, суживается от основания к концу. Сохранилась не на всю длину, конец ручки обломан. Диск с оборотной стороны имеет по краю слабо заметное концентрическое широкое утолщение, образовавшееся, вероятно, за счет проковки центральной части. Лицевая сторона диска гладкая, оборотная — орнаментированная. Зеркало цельнолитее вместе с ручкой, однако последняя с оборотной стороны по краю диска уплощена проковкой. Диаметр диска 14,3 см, толщина по краю 0,3 см, в середине — 0,2 см. Обратная сторона диска украшена гравированным орнаментом в виде вписанных одна в другую окружностей и изображения птицы в центральном круге. По краю диска нанесена одинарная концентрическая линия, за ней у основания утолщения — окружность, околонтурная двойной линией, затем следует тройная окружность, заполненная «елочным» орнаментом. В поле этого последнего круга изображена птица из семейства утиных, идущая вправо.

Зеркала этого типа широко распространены в Евразии. В классификации савроматских зеркал они выделены в тип 1 отдела 1, время бытования которого VI—III вв. до н. э.⁵ В прохоровской (раннесарматской) культуре они выделены в тип 3 отдела 1, датируемого IV—III вв. до н. э.⁶ Наконец, в классификации среднеазиатских зеркал они отнесены в тип 1 отдела 1, датируемого в целом VI в. до н. э. — I в. н. э. Среднеазиатские зеркала данного типа разделены на четыре подтипа. Наиболее близки к зеркалу из могильника Каскажол зеркала подтипа 2, который датирован VII—III вв. до н. э.⁷

Таким образом, по общетипологическим признакам каскажолское зеркало может быть датировано в пределах VII—III вв. до н. э. Однако наличие на нем такого признака, как слабо заметный широкий валик по краю оборотной стороны диска, позволяет ограничить его более

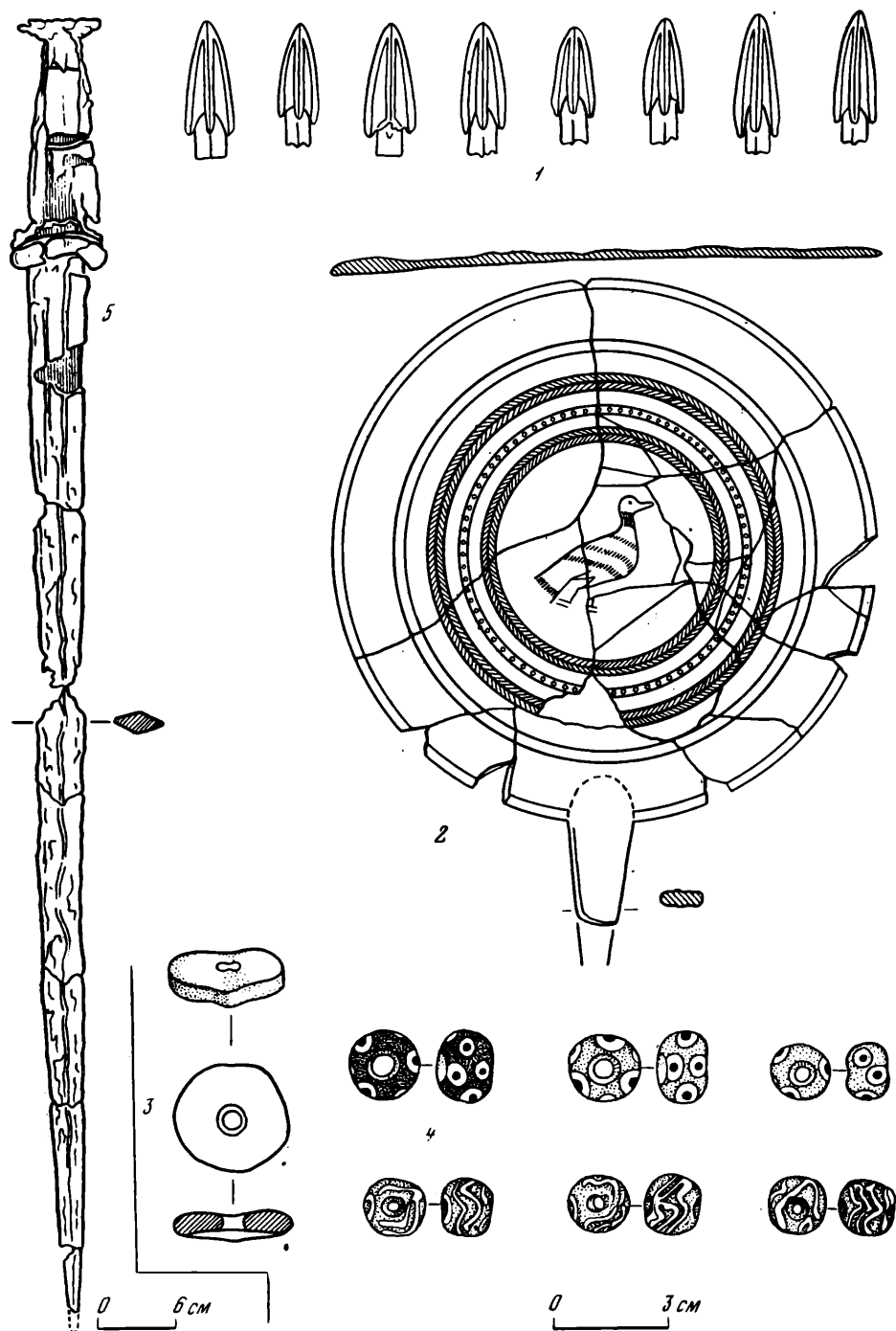

Рис. 2. Курганный могильник Каскажол. Курган 4. Инвентарь
 1 — наконечники стрел; 2 — зеркало; 3 — пряслице; 4 — бусы; 5 — меч

узкими хронологическими рамками. По этому признаку зеркало может быть сопоставлено с зеркалами, найденными в Оренбургской обл. в кургане начала IV в. до н. э. у хут. Веселый близ с. Акбулак⁸, в кургане (7) V в. до н. э. группы Бис-оба у с. Благословенского⁹, в курганах (1—3) IV—II вв. до н. э. у с. Прохоровка¹⁰. Одно из прохоровских зеркал (из кургана 1) найдено в комплексе, который датируется IV—началом III в. до н. э.¹¹ По мнению К. Ф. Смирнова, подобные валики на плоских зеркалах можно рассматривать как «зародышевые», получающие полное развитие в другом типе зеркал. Плоские зеркала с «зародышевым» валиком могут быть признаны «прототипом зеркал с широким, выпуклым валиком, характерных для прохоровской культуры»¹².

Таким образом, наличие «зародышевого» валика позволяет ограничить время бытования зеркал, имеющих этот признак, V—III вв. до н. э. и признать их своеобразной «переходной» формой от плоских зеркал с боковой ручкой к зеркалам с валиком по краю и боковой ручкой.

И, наконец, еще один признак, который, на мой взгляд, можно использовать для обоснования даты устюртского зеркала, — орнамент на его оборотной стороне. В целом орнаментальная композиция на зеркале из могильника Каскажол, насколько мне известно, не имеет аналогий. Однако отдельные орнаментальные элементы этой композиции встречаются на некоторых савромато-сарматских и среднеазиатских зеркалах интересующего нас типа.

Орнамент из двойных концентрических линий отмечен на зеркале из кургана (2) IV в. до н. э. на р. Тара-Бутак в Оренбургской обл.¹³ Орнаментальный мотив в виде концентрической окружности из тройных линий с «елочным» орнаментом известен в материалах из кургана (8) IV в. до н. э. Мечетсайского могильника на р. Илек в Оренбургской обл.¹⁴ Эти находки позволяют сузить дату анализируемого зеркала до IV в. до н. э.

Подобный орнамент на среднеазиатском плоском зеркале с боковой ручкой из могильника Туп-хона в Таджикистане, датируемого II—I вв. до н. э.¹⁵, и на прохоровских зеркалах других типов, датируемых III—I вв. до н. э.¹⁶, может свидетельствовать, на мой взгляд, лишь о генетической зависимости орнамента на перечисленных зеркалах от орнамента из двойных и тройных концентрических линий на плоских зеркалах с боковой ручкой IV в. до н. э. прохоровской культуры.

Представляет интерес и рассмотрение вопроса о территориальной локализации анализируемого типа зеркал. К. Ф. Смирнов отмечает, что «большая часть находок зеркал (савроматских. — В. Я.) с плоским диском и длинной ручкой была сделана в Оренбургских степях, где, возможно, существовал центр их производства»¹⁷.

Наконечники стрел (рис. 2, 1). Все девять наконечников, обнаруженных в подбое, принадлежат одному типу. Наконечники трехлопастные, со сводчатой, в некоторых случаях — даже дуговидной, головкой с широко расходящимися гранями и выступающей короткой втулкой. Лопастей четко отделены от втулки и возвышаются над ней, края лопастей заострены в шипы. Стрелы литые, на втулках некоторых наконечников видны литейные швы. В нескольких втулках сохранились обломки деревянных древков стрел. Длина наконечников от 3,1 до 3,7 см.

Подобные наконечники в классификации К. Ф. Смирнова — М. Г. Мошковой отнесены в отдел II, тип 6¹⁸. Описываемые наконечники ближе всего к варианту Б этого типа. Подобные стрелы употреблялись савроматами — сарматами с конца VII до II в. до н. э.¹⁹ Однако наиболее широкое распространение в сарматских колчанах они получили в IV в. до н. э.²⁰ По наблюдениям М. Г. Мошковой, этот тип особенно характерен для прохоровской культуры Приуральской территориальной группы²¹.

Железный меч (рис. 2, 5). Меч имеет массивную рукоятку, очевидно прямоугольную в сечении, сегментовидное навершие, перекрестие в виде

узкого бруска, «сломанного» в середине под тупым углом. Клинок узкий, равномерно суживающийся от рукоятки к концу, уплощенно-ромбический в поперечном сечении. Длина меча около 106 см.

Аналогии известны в раннепрохоровской культуре, где подобные мечи выделяются в так называемый переходный тип от скифо-савроматских к раннесарматским мечам прохоровской культуры²². В классификации К. Ф. Смирнова подобные мечи выделены в отдел VI, тип 1 и датированы IV в. до н. э.²³ В классификации мечей прохоровской культуры М. Г. Мошковой эти мечи отнесены в подотдел IV, тип 1 и датированы IV в. до н. э.²⁴

Исследователи единодушно отмечают, что все находки подобных мечей приурочены к территории Южного Приуралья (лишь один экземпляр происходит с территории Нижнего Поволжья)²⁵, и это дает основание полагать, что Южное Приуралье было местом сложения мечей данного типа.

Бусы (рис. 2, 4). Шесть бусин шаровидной формы изготовлены из стеклянной пасты. Распадаются на две группы: 1) полосчатые: три бусины диаметром 1,4—1,6 см, диаметр отверстия 0,4 см; изготовлены из стеклянной непрозрачной пасты темно-каштанового цвета со светлыми полосками кожно-бурого цвета; 2) глазчатые: три бусины диаметром 1,4—1,8 см, диаметр отверстия 0,6—0,8 см; изготовлены из темно-синей, почти черной, и голубой непрозрачной пасты с белыми глазками и темным зрачком основного цвета бусины.

Крупные бусины, подобные описанным, в раннепрохоровских погребениях IV в. до н. э. являются ведущими формами. Небезынтересно то обстоятельство, что подобные бусы находят лишь в курганах прохоровской культуры Приуральской группы, а в Поволжской они отсутствуют²⁶.

Пряслице (рис. 2, 3). Плоское круглое дисковидное пряслице выточено из стенки красноглиняного станкового сосуда. Диаметр пряслица 3 см, диаметр отверстия 0,6 см.

Находки пряслиц обычны в прохоровских погребениях как Нижнего Поволжья, так и Южного Приуралья. Однако круглые плоские пряслица, выточенные из стенок сосудов, характерны только для Приуральской группы памятников раннесарматской культуры²⁷.

Сопоставительный анализ показывает, что по основным признакам описываемое погребение совпадает с раннепрохоровскими подбойными могилами. Следовательно, мы с достаточным основанием можем отнести его к раннесарматской (прохоровской) культуре. Дата погребения твердо устанавливается в пределах IV в. до н. э. Уже присутствие одного только меча переходного типа в рассматриваемом комплексе позволяет ограничить его дату IV в. до н. э. Не противоречат этому и остальные вещи комплекса. Зеркало несет на себе ряд переходных признаков, позволяющих ограничить его дату IV в. до н. э. Наконечники стрел, подобные находящимся в исследуемом комплексе, наибольшее распространение имеют в раннепрохоровских комплексах. Глазчатые и полосчатые пастовые бусы также именно в IV в. до н. э. являются в прохоровских погребениях ведущей формой.

Анализ инвентаря погребения и погребального обряда в целом позволяет прийти к заключению, что раннепрохоровское погребение курганного могильника Каскажол связано с Приуральской, а не с Поволжской группой памятников прохоровской культуры. Действительно, подводя итог анализу инвентаря каскажолского кургана 4, мы можем отметить ряд любопытных особенностей. В погребении найдено пряслице. Они характерны для всей прохоровской культуры, но данная форма — лишь для ее приуральского варианта. Глазчатые и полосчатые бусы также специфичны лишь для прохоровских погребальных комплексов Южного Приуралья. Мечи, подобные нашему, найдены, за единственным исключением, опять-таки в раннесарматских курганах Южного Приуралья. То же можно от-

метить и относительно трехлопастных наконечников стрел с выступающей втулкой. И, наконец, большая часть находок плоских зеркал с боковой ручкой происходит из степей Оренбуржья.

Таким образом, мы можем не просто констатировать принадлежность описанного кургана к прохоровской культуре, но и связать его именно с Приуральской территориальной группой этой культуры.

- ¹ Назаренко В. А. Классификация погребальных памятников Южного Приладожья. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970, с. 191.
- ² Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. — САИ, вып. Д1-10, 1963, с. 19, 20, табл. I.
- ³ Там же, с. 20, 21.
- ⁴ Там же, с. 21, 22.
- ⁵ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 153, 154; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. — САИ, вып. Д1-9, 1963, табл. 28.
- ⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 41, 42, табл. 27, 15—21.
- ⁷ Литвинский Б. А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. — В кн.: Материальная культура Таджикистана, вып. 2. Дупанбе, 1971, с. 38—41.
- ⁸ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, с. 152, 153; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 153, рис. 38, 17; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, с. 15, табл. 28, 6.
- ⁹ Grafov B. N. Deux tombeaux de l'époque scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. — ESA, IV, 1929, p. 169—182; Граков Б. Н. Пережитки матриархата у савроматов. — ВДИ, 1947, № 3, с. 106, 107; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, с. 16, табл. 28, 4; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 153, рис. 15, 4а.
- ¹⁰ Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. — МАР, № 37, 1918, с. 1—18; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 17, 41, табл. 27, 19—21.
- ¹¹ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 18.
- ¹² Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 153.
- ¹³ Нефедов Ф. Д. Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. — МАВГР, III, 1899, с. 17, 18; Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, с. 15, табл. 28, 5; Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 153, рис. 47, 7; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 41, 51, табл. 27, 15.
- ¹⁴ Смирнов К. Ф. Бронзовое зеркало из Мечетсая. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 116 сл., рис. 2.
- ¹⁵ Литвинский Б. А. Хронология и классификация..., с. 39, рис. 3, 1.
- ¹⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 41, табл. 27, 8, 9; с. 42, табл. 28, 19, 20.
- ¹⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы, с. 154.
- ¹⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов. — МИА, № 101, 1961, с. 46—48, табл. II.
- ¹⁹ Там же, с. 46.
- ²⁰ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 31; она же. О раннесарматских втульчатых стрелах. — КСИА, 89, 1962, с. 79.
- ²¹ Мошкова М. Г. О раннесарматских втульчатых стрелах, с. 81.
- ²² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 25, рис. 5, 3; 7, 1—6.
- ²³ Там же, с. 24 (см. также сводку аналогий к мечам указанного типа).
- ²⁴ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 33, табл. 18, 5, 6, 9, 10 (см. также сводку мечей данного типа).
- ²⁵ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, с. 25; Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 33.
- ²⁶ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, с. 44, 45, табл. 30.
- ²⁷ Там же, с. 39, табл. 24.

Н. Н. НЕГМАТОВ, А. К. МИРБАБАЕВ

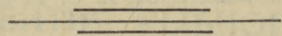
РАСКОПКИ КУРКАТСКИХ СКЛЕПОВ (предварительное сообщение)

Начатые в 1974 г. полевые исследования Северо-Таджикистанской археологической комплексной экспедиции (СТАКЭ) в окрестностях сел. Куркат Ленинабадской обл. Таджикской ССР сразу же дали неожиданные результаты. Ученики местной средней школы Бахром Атабаев и

ЎЗБЕКСТАН ССР
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ
ҚАРАҚАЛПАҚСТАН ФИЛИАЛЫНЫҢ

ХАБАРШЫСЫ

ОН ҮШИНШИ ЖЫЛ БАСЫЛЫҰЫ

ВЕСТНИК

КАРАКАЛПАКСКОГО ФИЛИАЛА
АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ТРИНАДЦАТЫЙ

№ 1 (47)

1972

КАРАКАЛПАКСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК
УЗБЕКСКОЙ ССР

гих новаторов производства рассматривался печатью как движение интернациональное, имеющее одинаково важное значение в строительстве коммунизма для всех народов нашей Родины. В то же время печать всячески поддерживала такие явления, связанные с сугубо национальными условиями автономной республики, как движение советов старейшин за внедрение новых обрядов и обычаев, использование авторитета и примера аксакалов в общественном труде и др.

Резюме

Мақалада газета, журналларда, китапларда жарияланған хәм архив материаллары, тийкарында коммунистлик қурылыста (КПСС тиң ХХІ хәм ХХІІІ съездлери арасындағы дәуир) уақытлы баспа сөздің роли көрсетиледи. Баспа сөздің сол дәуирдеги жағдайы анализленеди, ХХІ, ХХІІ съездлердің қарарларып, ХХІІІ съездің директиваларының проектин пропагандалау мәселелери, газета бетлеринде партия турмысын, коммунистлик мийнет ушын болған ҳәрекетлер хәм алдыңғы тәжрийбени ендириу мәселелери қаралады. Тоғызыншы бес жыллыққа дейинги коммунистлик мийнет, комплексли механизацияны ендириу ҳәрекетлериниң динамикасы көзден өткериледи. Коммунистлик қурылыста өндирилс новаторлары ҳәрекетиниң интернационаллық әҳмийети туўралы жуўмақ исленеди, соның менен бирге миллий жағдайлар менен байланыслы болған патриотлық басламаларды пропагандалаудың әҳмийети атап көрсетиледи.

В. Н. ЯГОДИН

КЕРДЕРСКИЕ СТОЯНКИ

(К вопросу о типе хозяйства населения Кердера)

В 1960 г. во время археологических разведок на системе сухих русел Камышлы-Кандымузак на восточной оконечности аллювия Приаральской дельты Амударьи было обнаружено несколько крупных местонахождений вещественного материала кердерского типа. Поскольку эти местонахождения по условиям нахождения оказались полностью аналогичными первобытным стоянкам, известным в этом же районе, они также были названы „стоянками“ и под этим названием были опубликованы сообщения об их находках.

Последующее изучение материала стоянок кердерской культуры в целом и рассмотрение стоянок в системе остальных известных к настоящему времени памятников кердерской культуры позволили поставить вопрос о конкретном социально-экономическом содержании того археологического явления, которое мы обозначали как „кердерские стоянки“.

Сухие русла Камышлы-Кандымузак входят в обширную систему сухих русел, находящихся на стыке Приаральской дельты Амударьи и Северной дельты Акчадарьи. В эту систему, помимо вышеуказанных, входят такие сухие русла: Каракуль, Каргабай, Сазсай, Лоузсай и др. Все они прекрасно выражены в рельефе, дно их почти повсеместно усыпано раковинами пресноводного моллюска *Anadonta* и солоноводного *Cardium edule*. Русла густо поросли гребенщиком, причем в ряде мест он растет узкой полоской, отмечающей сравнительно недавний урез вод. Берега русел, как правило, обрывисты, русла почти не разветвлены. Анализ аэрофотоматериалов и крупномасштабных топографических карт позволяет предполагать, что все русла входят в систему куванышжарминского направления стока Приаральской дельты Амударьи.

Географические и топографические описания Южного Приаралья, составленные в XIX в., свидетельствуют об обильной обводненности интересующего нас района в этот период. Однако формирование этой системы русел, как и всего прикуванышжарминского направления стока Приаральской дельты, как показывают наши данные, происходило гораздо раньше.

Приуроченность кердерских поселений и стоянки к берегам вышеперечисленных русел позволяет считать, что прикуванышжарминское направление стока Приаральской дельты сформировалось в VII—VIII вв. или несколько ранее. Обводнение этого района явилось одной из предпосылок его заселения и хозяйственного использования племенами-носителями кердерской культуры, которые, как показывает анализ топографии кердерских поселений, широко расселились по сформировавшейся здесь системе дельтовых протоков.

Интересно отметить, что все интересующие нас русла проходят обычно по более древним западным рукавам Северной дельты Акчадарьи, функционировавшей еще в эпоху бронзы.¹ Исследователи этой дельты отмечают практическое отсутствие уклонов на всем протяжении ее западных рукавов.

Последним обстоятельством, видимо, и следует объяснять формирование более поздних восточных протоков другой дельты Амударьи—Приаральской. Формируя прикуванышжарминское направление стока, воды Приаральской дельты достигли западных сухих рукавов Северной дельты Акчадарьи и, используя отсутствие уклонов, заполнили древние русла почти до возвышенности Бузгул. Новые русла, таким образом, оказались как бы врезанными в русловые отложения древней Акчадарьинской дельты.

В районе интересующей нас системы русел находятся городище Курганча и стоянки Акжарма №№1—2. Приведем их краткое описание.

Стоянка Акжарма—1 находится в 500—600 м к северу от колодца Акжарма на западном берегу сухого русла Камышлы. Все находки концентрируются в большое скопление, находящееся на плоском берегу и окаймленное песчаной грядой. Особенно густо находки концентрируются в северной части стоянки в одной из котловин, находящейся в вышеупомянутой гряде. Южная часть скопления представлена редкими россыпями керамики. Стоянка вытянута вдоль берега русла на расстоянии 80—100 м в длину и 20—25 м в ширину. На стоянке Акжарма—1 собрано около 150 фрагментов керамики. Практически все черепки принадлежат лепным сосудам раннекердерского типа. Только один фрагмент принадлежит станковому сосуду. Кроме того, на стоянке найдены обломки неопределимого сейчас изделия из железа, фрагмент однолезвийного железного ножа, фрагмент жернова из серого песка и медная монета.

Культурный слой стоянки развеян полностью, первоначальное залегание находок по всей вероятности нарушено, поэтому при сборе подъемного материала не было предпринято попыток поквadrатного сбора и фиксации находок. Однако общий характер стоянки позволяет предполагать, что в данном случае имели место легкие, вероятно, переносные жилища, на оставляющие после себя долго сохраняющихся следов.

Стоянка Акжарма—2. Находится в 1,5 км к востоку от колодцев Акжарма. Представлена большой россыпью керамики и других культурных остатков. Расположена в песчаной котловине в 25—30 м от

¹ Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 3. М., 1960, стр. 39.

берега сухого русла Камышлы. С востока и юга ограничена высокими песчаными берегами. Россыпь вытянута с севера на юг на 12—15 м, с востока на запад на 6—7 м. Общая площадь стоянки немногим более 100 кв. м.

В центре россыпи находятся остатки двух кострищ в виде небольших бугорков серой слежавшейся золы. Рядом с кострищами в изобилии разбросаны мелкие обломки обгоревших костей животных. Культурный слой стоянки практически развеян полностью, пробный сбор и фиксация материала по квадратам показали, что основная масса находок из своего первоначального положения смещена. Подобно стоянке Акжарма—1, на описываемой стоянке, вероятно, находилось легкое временное жилище.

На стоянке Акжарма—2 собрано около 250 фрагментов керамики, в массе своей принадлежавших лепным сосудам кердерского типа. Только несколько черепков принадлежат станковым сосудам двух типов: 1. Водоносные кувшины с плоским дном, яйцевидным туловом, невысокой горловиной с вертикальной пластинчатой ручкой. 2. Хумы с волнистым гребенчатым орнаментом на внешней поверхности.

Помимо керамики было найдено много фрагментов сильно измельченных и обгоревших костей животных, несколько обломков жерновов из серого крупнозернистого песчаника, фрагменты железных криц, многочисленные обломки керамических тандыров—ульевидных печей для выпечки хлеба. Интересна находка нескольких обломков кварцита со следами искусственной обработки. Возможно, население Кердера в какой-то мере сохраняло древние традиции изготовления орудий из кварцита, которые население Северной дельты Акчадарьи имело еще в эпоху бронзы и которые затем продолжались в кокчатенгизской культуре.¹

Дата стоянок определяется, во-первых, на основании всего комплекса раннекердерской керамики, датирующей в настоящее время последнюю четверть VII—первой половиной VIII вв. Во-вторых, на основании аналогий к станковым сосудам. Водоносные кувшины с вертикальной пластинчатой ручкой широко распространены в слоях конца VII—первой половины VIII вв. афригидских поселений Беркут-калинского раннесредневекового оазиса, надежно датирующихся находками хорезмийских монет Чегана и Савашфана² и, наконец, в-третьих, дата стоянок определяется находкой на стоянке Акжарма—1 хорезмийской монеты чекана Каника, время правления которого определяется серединой VIII в. н. э.

Обратимся теперь к рассмотрению вопроса о типе хозяйства населения стоянок и с этой целью проанализируем некоторые находки со стоянок.

На первый взгляд подобные стоянки, где нет следов стационарных жилищ, должны, казалось бы, свидетельствовать о кочевом характере населения, оставившего их. Однако для кочевого хозяйства в том виде, в каком мы его, например, знаем у кочевых казахов,³ не характерны ни ручные мельницы, ни керамические печи для выпечки хлеба. Тандыр устанавливался обычно постоянно и предполагал оседлый образ жизни у людей, использующих его. Подобные тандыры—обычный элемент внутреннего устройства стационарных жилищ кердерской культуры,

¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, стр. 137.

² Е. Е. Неразик. Керамика Хорезма афригидского периода. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т. IV. М., 1959, стр. 240, 242, рис. 6, 1, 2, 5—10. Она же. Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1957, стр. 35, 38 (четвертая группа керамики).

³ Народы Средней Азии и Казахстана, т. II. М., 1963, стр. 352 и сл.

изученных на таких крупных поселениях, как Куюк-кала, Курганча и Ток-кала.¹ Близкие по конструкции тандыры отмечаются и для жилищ оседло-земледельческого населения Беркут-калинского оазиса (афригидская культура).² Обращаясь за материалом для сравнения в недавнее прошлое, мы отмечаем наличие тандров у оседлых узбеков³ и каракалпаков⁴ и многих других народов Средней Азии, ведущих оседлый образ жизни. В то же время, как свидетельствует этнография, у народов, ведущих кочевой образ жизни, у кочевых узбеков⁵ или казахов,⁶ например, тандыр для выпечки хлеба никогда не использовался, а практиковался более примитивный способ выпечки хлеба в котле или на раскаленном плоском камне.

Менее определенным показателем служит ручная мельница. Из этнографии известно, что помимо стационарно установленных ручных мельниц использовались и переносные ручные мельницы, устанавливаемые прямо на земле в юрте или около нее.⁷ Такие мельницы легко могли переноситься во время перекочевок.

Интересной находкой являются фрагменты криц, свидетельствующих о занятиях обитателей кердерских стоянок плавкой железа.

По наблюдениям геолога С. В. Лопатина, сырье для плавок в Кызылкумах и Хорезмском оазисе брали из железистых песчаников мелового возраста.

Отсутствие следов стационарных жилищ на интересующих нас стоянках позволяет предполагать, что в данном случае, видимо, использовались переносные жилища типа юрты. Наличие тандыров и следов плавок железа позволяет говорить об известной оседлости населения этих стоянок.

Подобное сочетание черт оседлого и кочевого хозяйств было характерно для полуседлого хозяйства каракалпаков XVIII—XIX вв., которых многие авторы называют кочевниками-земледельцами. Непостоянство водных источников часто заставляло каракалпаков менять места своих земледельческих угодий, что и обусловило своеобразие их полукочевого хозяйства. Подобный же тип хозяйства, как показывает анализ находок на интересующих нас стоянках, мы можем предполагать и у определенной части населения Кердера.

У населения равнинных степей Евразии известны три основных формы кочевого хозяйства.⁸

1. Таборное, связанное с постоянными перекочевками людей и скота без сколько-нибудь длительных остановок и поселений. 2. Полукочевое. В этом случае племя или род кочует по традиционному закреплённым маршрутам с весны до осени. Зиму проводят во временных зимних поселениях. Территория перекочевок строго органичена, с определенными летними, осенними и весенними пастбищами. 3. Полукочевое, при котором богатые хозяйства кочуют по определенным маршрутам с определенными постоянными зимовками. Бедные хозяйства ведут оседлый образ жизни. При втором и третьем вариантах в хозяйственную систему включалось также и земледелие, носившее полукочевой

¹ А. В. Гудкова. Ток-кала. Ташкент, 1964, стр. 45.

² Е. Е. Неразник. Раскопки Якис-Парсана. Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 7. М., 1963, стр. 12.

³ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I. М., 1962, стр. 305.

⁴ Там же, стр. 486.

⁵ Там же, стр. 305.

⁶ Народы Средней Азии и Казахстана, т. II, стр. 423—428.

⁷ Народы Средней Азии и Казахстана, т. I, стр. 486.

⁸ С. И. Руденко. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках. Сб. „Материалы по этнографии“, вып. 1. Л., 1961.

характер. Весной землю засеивали и возвращались к ней только осенью для уборки урожая.

Для кердерских стоянок можно предполагать существование двух последних форм хозяйства. Действительно, мы имеем свидетельство о занятиях населения Кердера земледелием в виде многочисленных находок керамики с отпечатками шелухи проса.

В этой связи приобретает также особый интерес расположение стоянок в районе кердерского поселения Курганча, где имелись и стационарные жилища и следы сезонных жилищ, и которая, очевидно, служила зимовкой, где скот находился на стойловом содержании. Интересующие нас стоянки в этом случае мы можем рассматривать как летовки, население которых, помимо скотоводства, занималось также земледелием и выплавкой железа.

Резюме

Макала кердерлердин журтларын сүүретлеуге арналган. Мысаллар тийкарында автор Кердерлердин хожалыгы тууралы айырым жуумаклар иштейди.

ЎЗБЕКСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ
ИЛИМЛЕР АКАДЕМИЯСЫ
КАРАҚАЛПАКСТАН БЎЛИМИНИҢ
ХАБАРШЫСЫ

ЖУРНАЛ 1960 ЖЫЛДАН БАСЛАП ШЫҒЫП АТЫР
ЖЫЛЫНА 4 ИРЕТ БАСЫЛАДЫ

ВЕСТНИК
КАРАКАЛПАКСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК
РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1960 ГОДА
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

№ 4

1992

ККОАН РУз

Э. В. Г. БЕТТС, В. Н. ЯГОДИН

„ПУСТЫННЫЕ ЗМЕИ“ СЕВЕРНОЙ АРАВИИ И „СТРЕЛОВИДНЫЕ ПЛАНИРОВКИ“ АРАЛО-КАСПИЯ

Сиднейский университет, Австралия.

Институт истории, археологии и этнографии Каракалпакского отделения АН РУз.

В пустынях Аравийского полуострова и Арало-Каспийского междуморья изучается археологический феномен, носящий в первом случае наименование „пустынный змей“, в другом — „стреловидная планировка“. Речь идет о сооружениях, чрезвычайно сходных по большинству признаков. До недавнего времени они изучались независимо друг от друга, поразительное сходство Арало-Каспийского и Северо-Аравийского археологических феноменов выдвинуло задачу их сравнительного изучения. Первым опытом в этом направлении и является предлагаемая вниманию читателей статья. Для удобства изложения материала примем для обозначения изучаемого явления единое понятие „desert kites“, как появившееся в литературе ранее.

Хронология и функции „пустынных змеев“ были предметом обсуждения среди археологов в течение длительного периода. Их форма с длинными стенами и оградой неправильной или „стреловидной“ формы побудила некоторых ученых предположить, что они использовались для сбора воды в пустынных районах. Однако инструментальные измерения, проведенные на серии „змеев“ как в Арало-Каспии, так и в Северной Аравии, показали необоснованность предположений такого рода.

Необычайность изучаемого феномена породила ряд легковесных гипотез, высказанных в средствах массовой информации, часть из которых пытались связывать сооружения подобного рода с внеземными формами жизни. В настоящее время, однако, для обоих регионов твердо установлено, что большинство, если не все „пустынные змеи“, были использованы как охотничьи ловушки в пустынных районах, где имелись многочисленные стада диких копытных.

Охотничьи ловушки этого типа были обнаружены в Северной Аравии (Burchardt, 1831; Rees, 1929; Helms and Betts, 1987), в Синайской пустыне и в пустыне Негев (Meshel, 1968, 1974); они также описаны для региона Арало-Каспия (плато Устюрт, полуостров Мангышлак) в Средней Азии (Толстов, 1952; Ягодин, 1978, 1991; Галкин, 1983, 1987, 1988). Несмотря на широкое распространение сооружений данного типа по Азиатскому континенту, они оказались поразительно похожи по своим основным признакам, по назначению, технике строительства, планиграфии и т. д. Тем не менее, в каждом отдельном

районе их распространения имеются различия в типах, что может быть связано с различными видами диких животных, на которых велась охота, и самими видами этой охоты.

Следует обратить внимание на то, что интересующие нас сооружения были найдены в полупустынных и пустынных районах, фауна которых включала диких копытных, чаще номадных, реже с постоянным местообитанием, таких как кулан, сайгак, джейран и архар в Арало-Каспии и газель (джейран), антилопа и кулан (дикий осел) в Северной Аравии.

Археологические исследования „змеев“ были предприняты в Синае и пустыне Негев (Meshel, 1974), в Северной Аравии (Helms and Betts, 1987) и в Арало-Каспийском регионе (Ягодин, 1991). В дальнейшем предполагается более детальное изучение „пустынных змеев“ в Северной Аравии и Арало-Каспийском регионе для того, чтобы провести их детальный сравнительный анализ, исследовать все возможные способы использования „змеев“, а также вопросы палеоэкономики обществ, использовавших данные сооружения.

Имеющаяся в распоряжении исследователей в настоящее время информация допускает, что системы „пустынных змеев“ имели как в Северной Аравии, так и в Арало-Каспийском регионе длительную историю. В Северной Аравии использование „змеев“ зафиксировано для периода от VII тыс. до н. э. до XIX в. Бурхард (Burchardt, 1831) описывает охоту на газелей в Сирийской пустыне, где животных загоняли внутрь треугольной каменной ограды. Райт (Wright, 1895) дал подсчет количества „змеев“, находящихся у Кариятайна в Сирии, внутрь оград „змеев“ газели заходили сами. Иногда в оградах они загонялись в ловушки-ямы, расположенные в стенах, ограждающих „змея“.

Некоторые изобразительные материалы с очевидностью показывают, что часть „змеев“ использовалась в римский, византийский и раннеисламский периоды. Кайрн. Хани—наскальный рисунок из Западной Иордании, сопровождавшийся сафаитической надписью, показывает, что газели могли загоняться внутрь ограды „змея“ (Harding, 1953). Росписи на стенах бассейна Уммаяд в Каср Амра на западе Аммана показывают охотничий цикл, где кулан (степной осел) загоняется в яму-ловушку способом, подобным тому, который использовался в оградах „змеев“, построенных из камня (Almagro et. al., 1975). Недатированные наскальные рисунки из базальтового региона на западе Иордании показывают ограду „змея“, но без животных или человеческих фигур, которые могли бы продемонстрировать метод его использования (Betts, Helms, 1986).

Археологические исследования существующих „змеев“ начались в Северной Аравии в 1920 г. с началом использования здесь авиации. Французские и британские пилоты, летая над пустыней, фотографировали с воздуха ограды „змеев“ и размышляли об их функциях (Poidebard, 1934; Maitland, 1927; Rees, 1929). Л. В. Б. Риз назвал ограды „пустынными змеями“, потому что с высоты птичьего полета они были

похожи на детский воздушный змей, летающий на длинном шнуре. Археологическое изучение „змеев“ в Иордании было продолжено Хелмсом (Helms 1981,) Гаррардом (Garrard, 1986, 1987) и Беттс (Betts, 1982, 1983, 1984). В результате этих исследований были разработаны основы датирования некоторых Североаравийских „змеев“. Каменные орудия, найденные у оград „змеев“, и остатки поселений типа охотничьего лагеря, включенные в систему оград, позволили установить, что большинство систем „змеев“ было использовано в период докерамического неолита (докерамический неолитический период Б) в конце VII тыс. до н. э.

Наиболее полные и детальные доказательства связи многих из Североаравийских „змеев“ с периодом неолита были получены в процессе раскопок поселения Дхувейла в Западной Иордании (Betts, 1988). Дхувейла—небольшой охотничий лагерь с неправильными каменными сооружениями. Поселение имеет два периода освоения: первоначальное сооружение в конце VII тыс. до н. э. (докерамический неолит Б) и повторное использование в середине VI тыс. до н. э. (поздний неолит).

Фаунистические остатки из культурных слоев обоих периодов освоения поселения состоят в значительной части из костей газели и некоторого количества костей небольших животных. В культурных слоях древнейших уровней поселения были обнаружены наскальные рисунки, очевидно, изображающие газель и кулана. В настоящее время ведется детальное изучение фаунистических остатков из раскопок этого поселения. Многочисленные находки костей диких животных доказывают, что большемасштабная переработка туш забитых диких копытных могла иметь место на поселениях. Кремневый комплекс включает много наконечников стрел, листообразных острий и двустороннеобработанных ножей, которые могли быть использованы для охоты и переработки мяса.

Дхувейла лежит на линии, связывающей цепочку „змеев“, расположенных вдоль низкого хребта. Обзор района показывает, что здесь имеется ряд одинаковых охотничьих лагерей, расположенных вдоль линии „змеев“, рядом с зимними водосборными бассейнами, и на возвышенностях, откуда хорошо просматривается окружающий ландшафт. Кремневые орудия и наскальные рисунки свидетельствуют о том, что эти охотничьи лагеря относятся к периоду докерамического неолита. Некоторые из них, подобные Дхувейле, были повторно использованы в период позднего неолита.

Наскальные рисунки и этнографические данные, приведенные выше, показывают, что „змеи“ для охоты в Северной Аравии использовались в течение длительного времени после неолитического периода, однако археологических материалов, подтверждающих позднее использование „змеев“ в этом регионе, в настоящее время нет.

В Арало-Каспии на основании археологических данных устанавливается использование „пустынных змеев“ для охоты на диких копытных с середины I тыс. до н. э. до XIV в. н. э. Для более поздних

периодов имеются данные этнографического характера, свидетельствующие об использовании сооружений типа „пустынных змеев“, вплоть до XIX в. Что касается неолита, то „пустынных змеев“, относящихся к этому периоду, в Арало-Каспии в настоящее время не обнаружено, хотя анализ состава кремнёвых орудий с неолитических местонахождений Устюрта свидетельствует об охотничьем направлении хозяйства (Виноградов, 1981). Некоторые археологические наблюдения делают возможным предположение о датировке части „змеев“ Арало-Каспия эпохой бронзы.

В литературе имеется целый ряд описаний охот с использованием сооружений типа „пустынных змеев“ в пустынях Арало-Каспия для XIX—начала XX вв. (Дюгамель, Вольховский, 1963; Эверсманн, 1850, 1963; Карелин, 1883; Силантьев 1898; Соломатин, 1973). По свидетельству информаторов и фольклорных источников, сооружения такого рода имели название „аран“ (Ягодин, 1991).

Археологические исследования сооружений типа „пустынных змеев“ начались в 1952 году, когда они были впервые обнаружены на юго-восточных чинках Устюрта. Уже тогда они были отнесены к средневековой и определены как сооружения для облавной охоты (Толстов, 1958). Широкая программа археологического изучения „пустынных змеев“ Арало-Каспия была осуществлена в 1975—1990 гг. (Ягодин, 1991). Планиграфическое изучение, раскопки „змеев“ и сооружений, входящих в их систему, позволили разработать вопросы их типологии и хронологии. Изучение фаунистических остатков из раскопок позволило установить, что объектами охоты с помощью „пустынных змеев“ были такие дикие копытные, как кулан, сайгак, джейран и архар.

Как в Северной Аравии, так и в Арало-Каспии „змеи“ были разделены на ряд типов (Helms and Betts, 1987; fig. 14; Ягодин, 1991). По материалам Арало-Каспия было установлено, что это разделение отражает временные изменения и изменения в структуре „змеев“, зависящие от формы охоты на диких копытных. Изучение показало (Ягодин 1991), что в этом регионе форма „змеев“ и особенно характер их группировки на местности определяются „пассивной“ или „активной“ техникой охоты. „Активная“ охота предполагала загон животных, направляемых внутрь оград „змея“, а затем в ловушки, расположенные в стенах оград. „Активная“ охота обычно связана с отдельно расположенными „змеями“ и местами временной (сезонной) концентрации диких копытных.

При „пассивной“ форме охоты сезонно мигрирующие дикие копытные направлялись внутрь оград „змеев“ естественным образом, без каких-либо искусственных побудителей и лишь на последней стадии охоты—загоне—направлялись охотниками в ямы-ловушки. В Арало-Каспийском регионе „пассивная“ охота предполагала использование взаимосвязанных систем „змеев“, пересекающих миграционные пути.

В Северной Аравии также имеются и та, и другая формы группирования „змеев“ на местности: системы оград „змеев“ и индивидуально

расположенные. „Змеи“, связанные в системы, почти неизменно ориентированы в северо-западном направлении, тогда как отдельно расположенные могут быть произвольно ориентированы. Системы „змеев“ в данном регионе связываются с неолитическими поселениями, такими, как Дхувейла, и вполне вероятно, что в VII тыс. до н. э. мигрирующие животные пересекали Восточную Иорданию в направлении их ежегодных миграций. Отдельно расположенные „змеи“ могли использоваться здесь в более поздние периоды.

Объяснение, данное Бурхардом и Райтом, отражает и ту, и другую формы охоты. Бурхард описывает „активную“ охоту, где газели выслеживались и загонялись в ограду „змея“, когда приходили к близлежащим водным источникам (Burchardt, 1831). Райт описал „пассивную“ систему (Wright, 1895).

В Арало-Каспии на современном этапе исследований установлено, что „пассивная“ охота с использованием систем „змеев“ практиковалась в VII—VIII вв., в так называемый Джетысарско-кердерский период. В более поздние периоды практиковалась лишь „активная“ форма охоты с загонем диких копытных в индивидуально расположенные „змеи“. Для более ранних периодов данных о характере использования „змеев“ нет. Все этнографические свидетельства для Арало-Каспия связаны с описанием „активных“ форм охоты (Ягодин, 1991).

Археологические свидетельства из Северной Аравии позволяют предполагать, что при „активной“ форме охоты животные загонялись внутрь ограды, находящейся на низкой возвышенности. В Арало-Каспийском регионе загнанные в ограду животные впадали в панику и загонялись затем в ямы-ловушки, где они напарывались на установленные здесь заострённые колья (Ягодин, 1991). Подобные колья многократно описаны в этнографических материалах по Арало-Каспию. Этнографические сведения об охоте в Северной Аравии также описывают загон животных из ограды в ямы-ловушки (Burchardt, 1831). Однако здесь отсутствуют данные об острях, устанавливавшихся в ямах-ловушках. К оврадам „змеев“ в Иордании обычно примыкают небольшие каменные круги, часто имеющие довольно высокие стены. Беттс и Хелмс в своих работах предполагают, что эти круги были использованы как укрытия для охотников и что загнанных диких животных забивали, когда они собирались внутри главной ограды (Betts, Helms 1987). Более детальное сравнение со „змеями“ Арало-Каспийского региона показывает, что часть из них могла использоваться и в качестве ловушек.

Охота с использованием стационарных сооружений типа „пустынных змеев“ отличается от погони за отдельным зверем большим количеством одновременно забиваемых животных, как показывают произведённые подсчёты, значительно превышающих собственные потребности охотничьих коллективов. Излишки продуктов охоты—мясо, кости, шкуры, сало и рога должны были перерабатываться в целях дальнейшего сохранения и использования. Вполне очевидно, что излишки

продукции такой массовой охоты могли использоваться для торговли и обмена.

Естественно, что массовая охота с использованием сооружений типа „пустынных змеев“ на разных этапах исторического развития и в различных регионах имела различный удельный вес, однако широкое распространение их показывает, что охота как отрасль хозяйства в системе экономики обществ, использовавших подобные сооружения, занимала важное место.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья. —Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. XIII. —М., 1981.
Галкин Л. Л. Разведки и раскопки в Северо-Восточном Прикаспии. —Археологические открытия 1981 г. —М., 1983.

Галкин Л. Л. Изыскания в Северо-Восточном Прикаспии. —Археологические открытия 1985 г. —М., 1987.

Галкин Л. Л. Каменные батыры Устюрта // Наука и жизнь. —№ 3—1988.

Дюгамель А. О., Вольховский В. Д. Топографический журнал пространства Киргизской степи между Каспийским и Аральским морями. —Первые русские научные исследования Устюрта. —М., 1963.

Карелин Г. С. Путешествия Г. С. Карелина по Каспийскому морю // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. —Т. 10. СПб., 1883.

Силантьев А. А. Обзор промысловых охот в России. —СПб., 1898.

Соломатин А. О. Кулан —М., 1973.

Эверсманн Э. Натурологический журнал, веденный при Экспедиции, обзревающей пространство между Каспийским и Аральским морями в конце 1825 г. и начале 1826 г., натурологом, доктором медицины, философии и изящных искусств и разных ученых обществ членом Эдуардом Эверсманном. —Первые русские научные исследования Устюрта. —М., 1963.

Эверсманн Э. Естественная история Оренбургского края. —Ч. II. —Казань, 1850.

Толстов С. П. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948) // Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. —Т. I. —М., 1952.

Ягодин В. Н. Памятники кочевых племен древности и средневековья. —Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. —Ташкент, 1978.

Ягодин В. Н. Стреловидные планировки Устюрта (Опыт историко-культурной интерпретации) // Археология Приаралья. —Вып. V. —Ташкент, 1991.

Almagro M., Zozaya I. and Almagro A. 1975. Qusayr Amra. Residencia y Banos omeyas en el desierto de Jordania.

Betts A. V. G. 1982. Prehistoric Sites at Qa-a Mejalla. Eastern Jordan. Levant 14.

Betts A. V. G. 1983. Black desert Survey. Jordan: first preliminary report. Levant 15.

Betts A. V. G. 1984. Black desert Survey. Jordan: second preliminary report. Levant 17.

Betts A. V. G. 1988. Excavation at Dhuweila, eastern Jordan: A preliminary Report. Levant XX.

Betts A. V. G. and Helms S. W. 1986. Rock Art in eastern Jordan. „Kite“ Carvings. Paleorient 12.

Burchardt J. L. 1831. Notes on the Bedouins and Wahabys. London.

Garrard A. N., Byrd B., Betts A. V. G. 1986. Prehistoric environment and settlement in the Azraq Basin. An interim report on the 1984 excavation season. Levant 18.

Garrard A. N., Betts A., Byrd B. and Hunt C. 1987. Prehistoric envir-

onment and settlement in the Azraq Basin. An interim report on the 1985 excavation season. Levant 19.

Harding G. L. 1953. The Çairn of Hany. Annual of the Department of Antiquities of Jordan 2.

Helms S. W. 1981. Java. Lost city of the Black Desert. London and New York.

Helms S. and Betts A. 1987. The desert „kites“ of the Badiyah Esh—Sham and North Arabia. Paleorient, vol. 13/1.

Maitland F. L. 1927. The „Works of the Old Men“ in Arabia. Antiquity, 1.

Mesheh Z. 1968. „Kites“ in the Southern Arava. Jeva Vaaretz 11. Hebrew.

Mesheh Z. 1974. New Data about the „Desert kites“. Tel Aviv 1.

Poidebard A. 1934. La trace de Rome dans le Desert de Sirie. Paris.

Rees L. W. B. 1929. The Transjordan Desert. Antiquity. Vol. III, N 12. December. Gloucester.

Wright W. 1895. Palmira and Zenobia. London.

Summary

The paper presents the first experiment of compared analysis of typologically and functionally the same phenomenon which is known in Arabia as „desert kites“ and in Aralo-Kaspiian region as „arrow plannings“.

М. М. МАМБЕТУЛЛАЕВ

РАСКОПКИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ХИВЫ

(IV в. до н. э.—IV в. н. э.)

В статье рассматриваются результаты археологических раскопок оборонительных сооружений г. Хивы в 1988, 1990 гг. Выделены два последовательных этапа развития оборонительных сооружений и определены их места в фортификационных системах Средней Азии.

Одной из важных задач, стоящих перед учеными-антиковедами, является всестороннее изучение античных государств Средней Азии — различных проблем их истории, экономики, социально-политического устройства, материальной и духовной культуры. К числу таких важных вопросов относится, в частности, изучение военного дела, включающее и комплекс проблем, связанных с фортификацией и организацией обороны государства.

Анализируя переход от первобытно-общинного к рабовладельческому строю в древней Греции, Ф. Энгельс отмечал, что с возникновением античного государства возникают и города, характерной чертой которых является наличие городской стены или крепости (К. Маркс, Ф. Энгельс, соч., т. 21. изд. 2-ое, с. 164). Оборонительные сооружения играли

большую роль в жизни древних государств, являясь неотъемлемой частью архитектурного облика городов с самого их основания. Городские стены, их состояние в тот или иной период (разрушение, ремонт, надстройка) позволяют полнее судить об истории города, о его расцвете и упадке, дают представление о его исторической топографии.

Самые ранние упоминания о крепостях Средней Азии мы находим в трудах древних греко-римских историков (Ксенофонт, Арриан, Курций, Диодор и др.), где описаны греко-персидские войны и завоевание Средней Азии Александром Македонским. Однако эти сведения очень отрывочны и по оборонительным сооружениям практически ничего не дают.

Советскими археологами при изучении среднеазиатских городов, особенно